

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства
Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры искусств
Российского государственного социального университета (Москва), профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

Футурологическое россиеведение позднего Н. А. Бердяева

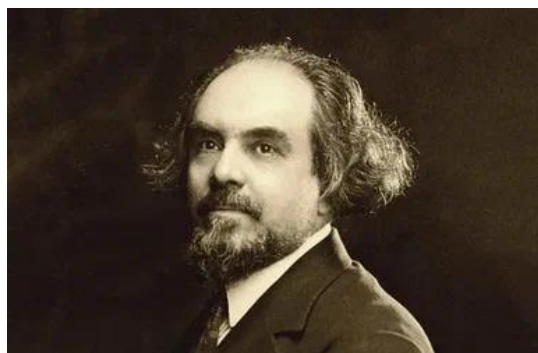
Статья посвящена завершающему этапу бердяевского наследия. Мыслитель осуществляет диагностику глобальной мировой ситуации, несколько не утратившей своей силы 77 лет спустя. За полвека до Мамлеева Бердяев говорит о «России вечной», и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое» сходство «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея» понимается им как «идея целостного преобразования жизни», а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском характере». Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предваряющими научными революциями в новом естествознании: от физики – до психоанализа. «Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее России», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен». В России, согласно Бердяеву, «подготавливается новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены». Попытки неохристианского реформизма на исходе Нового времени имеют двоякий характер между ноосферным и эсхатологическим дискурсами, и слово Бердяева – однозначно за последним. Но оставаясь последовательным катастрофистом и апокалиптиком, он настойчиво развивает социальную тематику, парадоксально соединяя таким образом эсхатологический реализм и жизнестроительный миф. Бердяев, пребывая в парадигме Модерна, уповает на сохраняющиеся сквозь исторические катастрофы культурно-цивилизационные возможности самобытного российского мира.

Ключевые слова: опыт катастрофы, советское наследие, перспективы, эсхатология, будущее России.

Наступило ли теоцентрированное Новое Средневековье, приход которого предвосхищался Бердяевым столетие назад? – с углублённым погружением в проблематику этого вопроса связано не только позднее раз-

витие его мысли, но и наша нынешняя обращённость к бердяевскому наследию, как и высочайшая оценка его непреходящего значения.

Сквозь подчеркнутый в историософском и космологическом измерениях радикальный эсхатологизм всего наследия Бердяева, нашедший выражение и в сочинениях, написанных по итогам отечественной революционной катастрофы [2; 3; 4], всегда просматриваются и в полной мере жизнеутверждающие настроения: чаяния реального российского будущего у мыслителя обретают конкретные смысловые очертания. Крупные руссиеведческие труды: «Судьба России», «Новое Средневековье», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея» – на протяжении трёх десятков послереволюционных лет предваряют и подготавливают итоговые бердяевские мысли, на которых мы и остановимся ниже.

Н. А. Бердяев

На сегодняшний день более трёх десятилетий занимаясь изучением религиозной философии Бердяева [9; 11; 7; 10], один из авторов этой статьи в 1996 – 1997 годах в качестве персонального стажёра Президента России работал во Франции, в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте Парижа, где произошла замечательная встреча с составителем только что изданной тогда книги Н. А. Бердяева Владимиром Григорьевичем Безносовым, прилетевшим туда на несколько дней из Петербурга – итогом встречи, после совместного посещения дома Бердяева (включившим даже сидение за его письменным столом со знаменитой пепельницей) и его могилы на католическом кладбище в Кламаре, стал подарок этой книги с подписью: «Вячеславу с большой симпатией и самыми добрыми чувствами – Владимир Б. 22.12.96 г. Париж», а также просьба о рецензии на это издание для знаменитой тогда газеты «Русская мысль».

Приведём некоторые фрагменты последней – они будут весьма существенны для дальнейшего развития нашей мысли:

«В каком-то ещё очень мало продуманном в истории и едва ли вообще поддающемся уразумению глубинном основании человек есть почерк. Но почерк – отнюдь не только след руки мыслящего человека, обращённого к письменному столу. Почерк – это всегда “мелодия присутствия” мыслящего в слове. Всякий раз почерк бывает уникален, и каждый случай повторяет его уникальность в нашем узнавании неповторимого лица... Человек принадлежит своему почерку, неисследимой тайне своего присутствия в мире.

Достаточно раскрыть наугад середину книги “Истина и откровение” и прочитать в ней несколько строк, чтобы сразу узнать: это – Бердяев! И вот, если мы любим Бердяева, то уж, конечно же, останемся с этой книгой надолго, и часто будем возвращаться к ней в своей жизни, споря с какими-то мыслями, восхищаясь другими, погружаясь в раздумья...

Книга включает в себя две самые поздние работы из бердяевского архива (вернее из той его части, которая была передана в 1960 году через советское посольство во Франции в ЦГАЛИ СССР, согласно завещанию самого Бердяева). Они впервые появились на русском языке. Это “Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения” (1946 – 1948) и сборник небольших статей “На пороге новой эпохи” (1947).

Книга венчается послесловием составителя В. Безносова, уже много лет трудящегося над возвращением читателям русской религиозной мысли, начиная с Достоевского. В этой небольшого формата и в твёрдой обложке книге имеются также примечания Е. Бронниковой, указатель имён.

Эта книга, по-видимому, более всех предыдущих бердяевских штудий созвучна нынешнему состоянию философии, то есть её глубочайшему в истории кризису...» [8, с. 12].

Текстовый массив бердяевского авторства в указанной книге завершается главой «Россия и новая мировая эпоха», и можно с большой долей достоверности предположить, что это – последнее завершённое эссе Бердяева, судя и по комментарию публикаторов: «В РГАЛИ имеются черновой автограф статьи, написанный скорописью, и машинописная копия статьи, выполненная, вероятно, после 1948 г. (Ед. хр. 232), машинопись с правкой

неустановленного лица (скорее всего переводчицы) перевода статьи на французский язык (Ед. хр. 230). Статья печатается по черновому автографу (Ед. хр. 232. Л. 1 – 4) с использованием машинописной копии для прочтения некоторых, наиболее неразборчиво написанных мест» [1, с. 371]; весьма интересно тут и указание на «отсутствующее в черновом автографе и в машинописи» бердяевское примечание о «внезапном вторжении хаоса в жизнь мира» [1, с. 372].

Россия и новая мировая эпоха в этом итоговом эссе Николая Александровича предстают как единая сфера его доминирующего внимания – одноимённый раздел, как уже указано, завершает предсмертный сборник «На пороге новой эпохи» (Париж, 1947), выпущенный на французском, а впоследствии переводимый на шведский, английский, японский, русский языки. Поразительной оказывается диагностика глобальной ситуации, несколько не утратившей своей силы 75 лет спустя: «Россия и мир Запада, Европа и Америка, боятся друг друга и враждуют. Запад одержим двойной боязнью, боязнью коммунизма и боязнью могущества русской империи» [1, с. 310].

Последнее бердяевское сближение реальных западных фобий воспринималось в эмигрантской среде не только не однозначно, но и весьма болезненно. Приведём, к примеру, цитату из послевоенной статьи И. А. Ильина «Как русские люди превращаются в советских патриотов?», где критически указывается на определённый тип в отечественной эмиграции (по отношению к Бердяеву, на наш взгляд, это – совершенно несправедливо и весьма поверхностно): «...нередко остаётся в эмиграции, начинает советскую пропаганду, лжёт иностранцам по советской указке, лжёт и по-русски, нарочно смешивает Россию с Советским Союзом, путает все понятия, выдаёт зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугою дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок» [5, с. 56].

В наши дни низкопробными деятелями на ниве массовой информации педалируется вопрос о мнимых симпатиях к фашизму со стороны Ивана Ильина, причём, часто безо всякого учёта хронологии тех или иных высказываний мыслителя и их явной критиче-

ской эволюции – но интересной фактурой остаются и характерные замечания Бердяева на страницах «Нового Средневековья», что «фашизм» ныне является «единственным творческим явлением в политической жизни современной Европы», где «всё движение мысли ищет философии жизни и жизненной философии, хочет перейти к предметности», а «в философском мышлении тоже обнаруживается своего рода фашизм» [2, с. 419]. Это писалось в первой половине 20-х годов XX века, когда оставался ещё десяток лет до прихода Гитлера к власти в Германии, и относилось всё-таки в большей степени к движению консервативного традиционализма в романских странах, преимущественно – Франции, Италии и Румынии, к которому имели самое прямое отношение такие, например, замечательные личности в кругу западных мыслящих учёных, как Р. Генон, Ю. Эвола и М. Элиаде. Непримируемая критика белого консерватора И. А. Ильина в адрес мистического анархиста Бердяева устойчива и вполне понятна, однако по прошествии почти целого столетия нам открывается очень много близкого в их самых существенных оценках и метафизических основаниях.

Дело не только в известном послевоенном тяготении Бердяева к призрачным духовным возможностям позднего сталинизма (связанным, например, с восстановлением русского патриаршества в годы победоносной войны с фашизмом) и его аксиологическом неприятии не менее проницательным в оценке перспектив развития СССР И. А. Ильиным – проблема, пожалуй, в более глубоко заложенной самой западной неспособности воспринимать саму идею потенциального исторического будущего России, как и в сопутствующем этой неспособности желанию будущего без неё.

Больше того, ныне возникает двоякое ощущение: то ли мы снова вернулись во время подведения итогов Второй мировой войны – то ли это глобальное резюме оказалось отсроченным, и впадшее в полувековой «ноосферный» сон страждущее человечество медленно пробуждается, погружаясь в «мглистую глубину третьего тысячелетия», с кризисологическими мыслями о Шпенглере и Шелере, Ясперсе и Хайдеггере, Геноне и отце Сергии Булгакове, даже Толстом и Достоевском, Ницше и Хомякове, Гёте и Шопенгауэ-

ре... Их имена – и здесь, и ранее – находят (явно или скрыто) символическое место как раз в бердяевской проблемно-аксиологической группе.

За полвека до футурологического россиеведения Ю. В. Мамлеева [6] Бердяев говорит о «России вечной», и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое сходство» (впрочем, начиная уже с работы «Истоки и смысл русского коммунизма») «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея, – по Бердяеву, подчеркнуто следующим здесь за Н. Ф. Фёдоровым, – есть идея целостного преображения жизни» [1, с. 313 – 314], а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском характере» [1, с. 316].

Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предвещающими итогами научных революций в новом естествознании: от атомной физики – до психоанализа.

«Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее России», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен» [1, с. 324]. В России, согласно Бердяеву, «подготавливается новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены» [1, с. 326].

Ценность последней бердяевской мысли здесь, по нашему убеждению, совершенно не риторична, и требует определённой герменевтики.

Дело в том, что попытки реформирования христианской эпистемы на исходе времени, названного в истории культуры Новым, имеют двоякий характер: эволюционистско-прогрессистская неомифология с апофеозом ноосферы (по сути это и нынешняя трансгуманистическая трансгрессия самого западного гуманизма, именуемого Бердяевым «ересью гуманизма, созданной новой историей» [2, с. 413]) – либо же углубление эсхатологической перспективы с мистическим раскрытием кардиобездны и отходом от торжествующей рациональности (что и стало бы возрождённым теологическим вектором Нового Средневековья)?

Нам представляется, что слово Бердяева – однозначно за последним. Как в прежних своих работах, так и здесь – в этих финали-

стических росчерках пера – он остаётся последовательным катастрофистом и апокалиптиком, что, однако, нисколько не мешает ему педалировать социальную тематику и чаять будущего России, в позитивно осмысленной исторической судьбе, которой останется и опыт пережитой духовной катастрофы на исходе Нового времени, от светового давления которого человечество постепенно удаляется, как бы снова погружаясь в таинственный звёздный ноктюрн и глубины времён неизведанных...

В контексте своего программного футурологического россиеведения Бердяев говорит об этом так: «Можно себе представить необычайный рост экономической и политической мощи России и возникновение нового типа цивилизации американского типа, с преобладанием техники и с поглощённостью земными благами, которого не было в прошлом русского народа. Но воля наша должна быть направлена на созидание иного будущего, в котором будет разрешена справедливо социальная проблема, но и обнаружит себя религиозное призвание русского народа и русский народ останется верен своей духовной природе. Будущее зависит от нашей воли, от наших духовных усилий. То же нужно сказать и о будущем всего мира. Роль христианства тут не может не быть огромной» [1, с. 326].

Мы полагаем, что изучение позднего Бердяева даёт вполне адекватный ключ к пониманию логики и аксиологии всего его творчества; но здесь мыслителем не просто подводятся итоги самопознания и высветляются основные вехи его драматичного пути сквозь крушения жизненных миров – но и сказывается нечто наиболее существенное о положении и сути вещей, как и о нынешнем времени в свете предвосхищающего опыта.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
2. Бердяев Н. А. Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: «Искусство», 1994. Т. 1. С. 406 – 485.

3. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 – 1922. М.: «Астрель», 2007.
4. Бердяев Н. А. Судьба России: Соч. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004.
5. Ильин И. А. Наши задачи: Статьи 1948 – 1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: «Русская книга», 1993. Т. 2. Кн. 1.
6. Мамлеев Ю. В. Россия вечная. М.: Издательская группа Традиция, 2020.
7. Океанская Ж. Л., Океанский В. П. Философия трагедии Н. А. Бердяева в контексте «Трагедии философии» о. Сергия Булгакова // Н. А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 26 – 37.
8. Океанский В. П. Антифилософия или новое откровение? // «Русская мысль» / «La htensee Russe». Paris, 1997. 13 – 19 февраля 1997. № 4161. С. 12.
9. Океанский В. П. Истоки и типологические очертания темы духовности в русской религиозной философии // Русская философия и духовная культура современности: Тезисы к республиканской научно-теоретической конференции. Иркутск, 1991. Кн. 2. С. 29 – 31.
10. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Глубочайшая метафизика»: Духовные доминанты отечественной философской мысли // Русская философия в России и мире: коллективная монография. М.: Объединённое Движение «Русская философия», 2019. С. 72 – 77.
11. Океанский В. П. Смысл жизни – свобода и творчество: памяти Н. А. Бердяева, которому 6 (18) марта исполнилось со дня рождения 118 лет // «Ивановский университет». № 10 (1397). 26 марта 1992 г. С. 2.

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2025